

ДЕВЯТЬ КРУГОВ

ТЁМНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СКАЗКИ

АНДРЕЙ МЕРЗЛИКИН

18+

Андрей Мерзликин

Девять кругов

«Автор»

2026

Мерзликин А.

Девять кругов / А. Мерзликин — «Автор», 2026

Девять сказок. Девять пробуждённых сил. Девять шагов к концу старого мира. В глухих деревнях ещё помнят запреты: не сходить с дороги, которой вчера не существовало; не смотреть в воду, назвавшую тебя по имени; не открывать дверь третьему гостю; не принимать даров Бабы Яги и не заключать сделок с Кощеем. Но люди нарушают запреты. Из могил поднимается древняя нечисть. Полудница выходит на раскалённые поля. Сорок первая печь требует человеческого тепла. Погребальный саван ищет новую невесту, а колокол над городом без церкви отнимает у людей имена. Каждая история кажется отдельным кошмаром, но за ними скрывается единый замысел. Баба Яга собирает тех, кто должен был остаться мёртвым. Кощей хранит ключи от запретных дверей. Древняя книга заполняет девять кругов. Когда замкнётся последний, спасти людей будет уже некому. Мрачный сборник славянского фэнтези, где древние сказки требуют кровавой платы, а зло не отступает перед рассветом. Здесь оно побеждает.

© Мерзликин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сказка первая. Изба, что ждет невесту.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Андрей Мерзликин

Девять кругов

Сказка первая. Изба, что ждет невесту.

Тёмное славянское фэнтези

Глава первая. Босые следы

В ночь, когда пропала Марфа, в Выселках не лаяли собаки.

Они сидели у конур, поджав хвосты, и смотрели на Чернолесье. Даже старый Полкан, бросавшийся на всякого, кто проходил мимо кузницы, забился под крыльцо и скулил во сне. А за околицей кто-то всю ночь прят. Веретено поскрипывало среди елей, и тонкая нить тянулась между деревьями, хотя никто её не видел.

Степан проснулся до первых петухов. Печь остыла. Марфина половина лавки была пуста, а на смятой подушке лежала горсть хвои. Он позвал жену, заглянул в сенцы, поднялся на чердак. В доме никого не было.

У порога ровно стояли её валенки. На гвозде висел овчинный тулуп. Марфа ушла в одной белой рубахе, в которой легла спать.

На внутренней стороне двери чернел знак: круг, перечёркнутый тремя кривыми чертами. Он был выведен сажей, но не размазывался под пальцами. Казалось, знак проступил из самой сосновой доски.

Степан распахнул дверь.

От крыльца к калитке тянулись босые следы. Маленькие, с узкой пяткой — Марфины. Снег вокруг каждого отпечатка подтаял и почернел. Следы пересекали улицу и уходили к лесу.
— Марфа!

Из соседних изб выглянули люди. Никто не спросил, что случилось. Бабы крестились, мужики отводили глаза. Староста Тихон уже стоял у плетня, одетый, с посохом в руке, будто ждал крика.

Степан выбежал за калитку без шапки. Мороз обжёг виски. У околицы он увидел, что ворота остальных дворов перевязаны красными поясами. Только на его калитке висела чёрная шерстяная нить.

Он сорвал её. Нить дрогнула и сама обвилась вокруг запястья. Узел затянулся на пульсе. Степан попробовал разорвать шерсть зубами, но она оказалась крепче конского волоса.

— Не трогай, — сказал Тихон.

Староста подошёл бесшумно. Вырезанные на его посохе охранные знаки почернели, словно дерево держали над огнём.

— Где моя жена?

— Ушла.

— Босая? В мороз?

Тихон посмотрел на следы.

— Значит, позвали.

Степан схватил его за ворот.

— Кто позвал?

От старосты пахло дымом и можжевельником — так в Выселках окуривали покойников перед тем, как вынести из дома.

— Не произноси её имени возле леса.

— Яга?

По деревне прошёл порыв ветра. Зазвенели заледеневшие ставни. Собаки разом прижались к земле.

Тихон побледнел.

— Дурак.

Из Чернолесья донёлся женский голос:

— Стёпа.

Степан отпустил старосту и бросился к оврагу. Тихон ударил посохом под колени. Степан упал в снег и уже занёс кулак, когда увидел на лице старика настоящий страх.

— Это не она зовёт, — прошептал Тихон. — Пока не она.

К рассвету собрались двенадцать мужчин. Взяли топоры, рогатины и смоляные факелы. Пелагея, волхвова вдова, посыпала им плечи четверговой солью и велела не откликаться на знакомые голоса.

Искали до темноты. Лес не пустил их дальше старой громовой сосны, расколотой пополам. За ней тропы поворачивали назад. Сколько бы мужики ни шли, снова выходили к оврагу.

На второй день из чащи вернулся один из поисковых псов. Вместо ошейника на шее у него была чёрная нить. Пёс лёг у Степановых ног, раскрыл пасть, и из глотки донёлся Марфин голос:

— Не ищи меня после девятого заката.

Потом пёс издох. Из его пасти посыпалась сухая хвоя.

В тот вечер Степан пришёл к Тихону с топором. Староста сидел в пустой избе. Иконы были сняты, а на полке стоял деревянный чур с женским лицом и птичьими лапами. Перед ним дымилась миска с кровью.

— Ты знал.

Тихон не стал отпираться.

— Знал, что однажды придёт срок.

— Какой срок?

— Двадцать семь зим минуло. Она забирает невесту на двадцать восьмую.

Степан ударил обухом по столу.

— Почему Марфу?

— Потому что ты построил дом из леса, который тебе не принадлежал. Потому что под первой матицей не оставил требу. Потому что Марфа переступила новый порог первой, в свадебном венце. Старые силы находят причину, когда приходит время.

— Ты отдал её.

— Я перевязал остальные ворота. Деревня должна жить.

— Покажи дорогу.

Тихон помолчал, затем объяснил: за громовой сосной идти туда, куда падает тень; на развилке не наступать во встречные следы; у мёртвого ручья оставить крест. С крестом изба Яги не примет пришедшего.

— А обратно?

— Обратной дороги Яга не держит.

Староста протянул мешочек. Внутри лежали три ржанных зерна, щепоть соли и молочный зуб.

— Чей зуб?

— Моей сестры. Её забрали в прошлый срок.

— Она вернулась?

Тихон посмотрел на деревянный чур.

— Иногда слышу, как ходит под полом.

Перед рассветом Степан затянул пояс, взял топор, хлеб и свечу из ярового воска. Когда он вышел за околицу, босые следы снова проступили на снегу. Рядом с Марфиными тянулись другие — узкие, длинные, с пятками, вывернутыми вперёд.

Глава вторая. За громовой сосной

До расколотой сосны Степан добрался к полудню. За ней лес изменился. Снег исчез. Под ногами лежала чёрная прошлогодняя листва, мокрая и тёплая. С еловых ветвей свисали конские черепа; в пустых глазницах тлели синие огоньки. Меж корней попадались глиняные куклы без лиц, перевязанные чёрными нитями.

Степан шёл за собственной тенью. Солнце оставалось за спиной, но тень ползла впереди, то вытягивалась между стволами, то вставала на четвереньки. Несколько раз она пыталась свернуть в чащу. Чёрная нить на запястье натягивалась и удерживала Степана на тропе.

На развилке появились встречные следы. Они проступали на мокрой листве один за другим, словно невидимый человек шёл прямо к нему.

Степан отступил. Следы остановились.

Из-за елей вышла Марфа. Босая, в ночной рубахе. Волосы смерзлись тёмными прядями. На щеке зияла длинная рана, но крови не было.

— Ты всё-таки пришёл.

Степан шагнул к ней и вспомнил слова Тихона. Ступни в следах были повернуты пятками к Марфе.

— Назови место, где мы впервые поцеловались.

— У мельницы.

Они никогда не целовались у мельницы. В ту весну мельника нашли в жерновах, и к реке полгода никто не ходил.

Степан поднял топор. Рана на щеке женщины раскрылась вторым ртом. Существо захотало голосами деревенских баб и попятилось в чащу, не поворачиваясь. Следы остановились у сапог Степана. Он перепрыгнул через них и пошёл дальше.

К сумеркам показался мёртвый ручей. Вода стояла под тонкой коркой льда. Посреди ручья лежал плоский камень, усыпанный крестами и человеческими зубами.

Степан снял свой медный крест. Мать надела его на сына, когда ему исполнилось семь; он не расставался с ним ни в поле, ни на войне, ни в брачную ночь. Теперь металл обжёт ладонь.

Он положил крест на камень.

Подо льдом открылись глаза. Их было множество. Они следили за Степаном, пока тот переходил ручей. Уже у берега рука пробила корку и схватила его за сапог. Степан рубанул топором. Пальцы рассыпались мокрой глиной, а из проруби донёсся детский плач.

За ручьём темнела поляна. Посреди неё стояла изба на четырёх курьих ногах. Крыша поросла мхом, труба загибалась, как гусиная шея. Забор был сложен из человеческих рёбер. На кольях сидели вороны и шептали:

— Жених пришёл.

На крыльце пряла старуха. Один её глаз был мутным, другой — чёрным, как лесное озеро. Нос почти касался подбородка. Костяная нога лежала отдельно на поленнице; сама старуха сидела на двух босых ступнях.

В правой руке она держала веретено, в левой — клубок чёрной шерсти. Нить тянулась к Степанову запястью.

— Долго шёл, плотник. Я уж думала, не любя тебе жена.

— Где Марфа?

— В избе. Где же невесте быть перед свадьбой?

— Чьей свадьбой?

Старуха оскалилась мелкими железными зубами.

— Кто доживёт до девятого заката, тот узнает.

Степан поднялся на крыльцо. Изба переступила с ноги на ногу. Внутри что-то тяжёлое ударилось о стену.

— Отдай её.

— Исполни три работы — поведёшь Марфу домой.

— Клянись.

Старуха перестала пряхсть. Вороны замолчали.

— Клянётся тот, кто боится нарушить слово. Мне бояться некого.

— Тогда зачем мне верить?

— Тебе не из чего выбирать.

Дверь распахнулась. За ней не было ни сеней, ни горницы — только темнота. Оттуда пахло парным молоком, могильной землёй и Марфиными волосами.

— Первая работа, — сказала Яга. — Переночуй под моей крышей. До третьих петухов не открывай красную дверь. Кто бы ни просил. Что бы ни обещал.

— И всё?

— Для первой ночи довольно.

Степан вошёл. Дверь захлопнулась за спиной.

— Да смотри не перепутай, плотник, — донёсся голос Яги. — Красная всегда та, за которой плачет любимый человек.

Глава третья. Красная дверь

Изнутри изба оказалась больше, чем снаружи. Стены уходили вверх и терялись во мраке. Под потолком висели связки трав, высохшие змеи и детские рубашки. В углу горела печь без трубы. Пламя было зелёным, а на шестке лежали белые камни с вырезанными именами.

На столе дымились щи, лежал каравай и стояла чарка мёда. В щах плавались ногги. Каравай при каждом вдохе поднимался, как грудь спящего. Степан не притронулся к еде.

В дальней стене было девять дверей: восемь серых и одна красная. Из-за красной доносился плач.

— Стёпа, — позвала Марфа. — Я здесь.

На досках проступили царапины.

— Не разговаривай с ней! — крикнул другой Марфин голос из-под пола. — Настоящая я внизу!

Третий зашептал из печи:

— Они лгут. Разбей заслонку.

Степан сел у стола, положил топор на колени и стал ждать.

За первой серой дверью заплакала мать. Она умерла двенадцать лет назад. За второй стонал младший брат Федька, погибший в княжеской дружине. За третьей говорил голос ещё не рождённого ребёнка:

— Отец, здесь темно.

В полночь изба зашагала. Пол накренился, посуда посыпалась со стола. За стенами хрустели деревья. В маленьком окне Степан увидел, как курьи ноги несут избу через овраги. Между ними бежали мертвецы и ловили ртами комья земли, осыпавшиеся с корней.

Красная дверь задрожала.

— Стёпа, она хочет надеть на меня свою кожу. Открой!

Чёрная нить сжала запястье. Под кожей выступила кровь.

— Скажи, что я подарил тебе после свадьбы.

— Гребень. Берёзовый, с двумя голубями.

Ответ был верным.

— Где он теперь?

За дверью наступила тишина.

— В сундуке.

— Я сломал его прошлой весной. Ты бросила половинки в печь.
С той стороны заскрежетали железные зубы.

— Открой, — произнёс уже не Марфин голос. — Я дам тебе жену лучше. Послушную. Она никогда не постареет.

Степан отступил. Цвет пополз по стенам: серые двери одна за другой становились красными. Голоса смешались. Мать молила, брат ругался, нерождённый сын захлёбывался плачем.

Под утро дверь приоткрылась сама. В щели показалась женская рука. На безымянном пальце блеснуло медное кольцо Марфы.

— Я не открывал, — сказал Степан.

— Я сама. Помоги.

Пальцы нащупали его рукав. Они были тёплыми.

Степан ударил топором. Лезвие рассекло запястье. Вместо крови из раны посыпалось просо. Кисть упала на пол, пробежала на пальцах и скрылась под печью.

Дверь захлопнулась. Снаружи прокричал петух. Второй крик донёсся из печи, третий — из груди Степана.

Восемь серых дверей исчезли. На пороге стояла Яга.

— Не пожалел любимую руку. Хороший из тебя выйдет хозяин.

— Я выполнил работу.

— Выполнил.

Она бросила ему кольцо. Степан узнал вырезанные внутри буквы — С и М.

— Где ты его взяла?

— Невеста отдала. Кольцу на новой руке тесно будет.

Степан схватил Ягу за горло. Под сухой кожей не оказалось плоти — только корни и жуки. Старуха рассмеялась и выдохнула ему в лицо могильную пыль.

Он очнулся на полу. Топор лежал у печи, обросший мхом. Яга ела щи; в миске плавала отрубленная кисть.

— Вторая работа труднее. На Гнилом болоте стоит святилище Велеса. Под камнем тлеет огонь, зажжённый до появления людей. Принеси мне уголь до заката.

Она подала ему глиняный горшок.

— Болото попросит плату. Не давай крови: она запомнит дорогу к твоему роду. Не давай дыхания: станешь навьим слугой. Отдай то, без чего сумеешь жить.

— А если не принесу?

Яга разгрызла палец отрубленной кисти.

— Тогда Марфа станет моей до ночи. А ты увидишь как.

Глава четвёртая. Велесов огонь

На Гнилом болоте вела дорога из костей. По обе стороны из чёрной воды поднимались берёзы без коры. На ветвях висели перевёрнутые горшки; из каждого доносился шёпот.

Дорога оборвалась у трясины. Из воды торчали спутанные волосы утопленников. На первой кочке сидел седой пастух и играл на свирели из бедренной кости. Рядом лежали три чёрных пса: у одного было человеческое лицо, у другого — детские руки вместо передних лап, у третьего не было головы.

— К огню идёшь? — спросил пастух.

— Иду.

— Плата есть?

Степан показал мешочек Тихона.

— Это плата старосты. Болото ждёт твою.

Из воды поднялась женщина в венке из белых кувшинок. Живот её был распорот и зашит осокой. Она держала деревянную колыбель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.